

«Веком Перикла» принято называть время наивысшего политического и культурного расцвета Афин в V веке до н. э. Будучи лучшим оратором того времени и одним из лучших военачальников, Перикл фактически возглавлял афинское государство на протяжении тридцати лет. Ему удалось значительно расширить влияние Афин среди государств Греции, на Черном море и на полуострове Галлиполи, укрепить власть и превратить родной город в культурный центр греческого мира. При нем на Акрополе были возведены Парфенон, Пропилеи, храм Афины Ники и Одеон. Его современниками были величайшие драматурги Еврипид и Софокл, скульптор Фидий и философ Анаксагор. Мы предлагаем вниманию наших читателей фрагменты из сочинения Плутарха «Сравнительные жизнеописания», посвященные Периклу.

Герма, увенчанная изображением головы Перикла. Древнеримская копия с греческого оригинала работы Кресила, современника Фидия.

В молодости Перикл очень боялся народа: собою он казался похожим на тирана Писистрата; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей. А так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он боялся остракизма и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей. Когда же Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали по большей части вне Эллады, тогда Перикл с жаром принялся за политическую деятельность. Он стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов — вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном. Сейчас же после этого Перикл переменял и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только когда женился его родственник Эвриптолем, он пробыл на пире до возлияния и тотчас потом встал из-за стола. <...> Перикл так же вел себя и по отношению к народу: чтобы не пресытить его постоянным своим присутствием, он появлялся среди народа лишь по временам, говорил не по всякому делу и не всегда выступал в Народном собрании, но приберегал себя... для важных дел, а все остальное делал через своих друзей и подосланных им других ораторов.

...Некоторые думают, что он был прозван «Олимпийцем» за те сооружения, которыми украсил город, другие — что за его успехи в государственной деятельности и в командовании войском; и нет ничего невероятного, что его славе способствовало сочетание многих качеств, ему присущих. Однако из комедий того времени, авторы которых часто поминают его имя как серьезно, так и со смехом, видно, что это прозвище было дано ему главным образом за его дар слова: как они говорят, он гремел и метал молнии, когда говорил перед народом... Однако и сам Перикл был осторожен в речах и, идя к ораторской трибуне, молил богов, чтобы у него против воли не вырвалось ни одного слова, не подходящего к данному делу. Сочинений в письменном виде Перикл никаких не оставил, кроме народных постановлений; замечательных выражений его сохранилось тоже совсем мало.

Вначале, как сказано выше, Перикл в борьбе со славою Кимона старался приобрести расположение народа; он уступал Кимону в богатстве и денежных средствах, которыми тот привлекал к себе бедных. Кимон приглашал каждый день нуждающихся граждан обедать, одевал престарелых, снял загородки со своих усадеб, чтобы, кто захочет, пользовался их плодами. Перикл, чувствуя себя побежденным такими демагогическими приемами... обратился к разделу общественных денег, как свидетельствует Аристотель. Раздачу денег на зрелища, платую вознаграждения за исполнение судебных и других обязанностей и разными вспомоществованиями Перикл подкупил народную массу и стал пользоваться ею для борьбы с Ареопагом...

«Самый влиятельный человек в Афинах»

...Перикл со своими приверженцами, приобретя большее влияние у народа, одолел Ареопаг: большая часть судебных дел была отнята у него при помощи Эфиальта. Кимон был изгнан посредством остракизма как сторонник спартанцев и враг демократии, хотя по богатству и происхождению он не уступал никому другому, хотя одержал такие славные победы над варварами и обогатил отечество большим количеством денег и военной добычи, как рассказано в его жизнеописании. Так велика была сила Перикла у народа!

Между тем аристократическая партия, уже раньше видевшая, что Перикл стал самым влиятельным человеком в Афинах, все-таки хотела противопоставить ему какого-нибудь противника, который бы ослабил его влияние, чтобы в Афинах не образова-

сте с тем приобретая навык и познания в морском деле. <...> Проводя эти мероприятия, он руководился желанием освободить город от ничего не делающей и вследствие праздности беспокойной толпы и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию поселением афинских граждан подле них.

Но, что доставило жителям всего больше удовольствия и послужило городу украшением, что приводило весь свет в изумление, что, наконец, является единственным доказательством того, что просла-

Слева. Пропилеи. Реконструкция архитектора Луи Франсуа Филиппа Буатта. Конец XIX—начало XX века.

Выше. Ордер храма Парфенон на Акрополе. Реконструкция архитектора Бенуа Эдуарда Ловио. Конец XIX—начало XX века. Перикл стал инициатором грандиозного строительства в Афинах: Парфенон, Пропилеи, Одеон — появлением в античной культуре этих шедевров европейцы обязаны именно ему. Руководил этими работами Фидий, архитектор и скульптор, близкий друг Перикла.

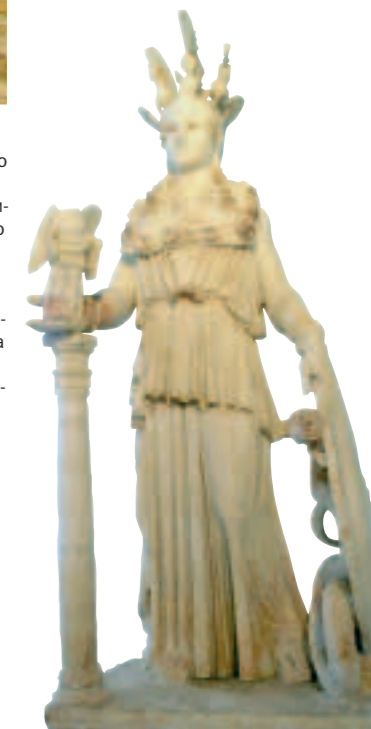
лась полная монархия. В противовес ему они выставили Фукидида из Алопеки, человека умеренного, бывшего в свойстве с Кимоном. Фукидид не был таким любителем войны, как Кимон; но он был больше склонен к общественной жизни и к занятию политикой. Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом на трибуне, он скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов. <...> Уже с самого начала была в государстве, как в железе, незаметная трещина, едва-едва указывавшая на различие между демократической и аристократической партией; но теперь борьба между Периклом и Кимоном и их честолюбие сделали очень глубокий разрез в государстве: одна часть граждан стала называться «народом», другая — «немногими». Вот почему Перикл тогда особенно ослабил узду народу и стал руководствоваться в своей политике желанием угодить ему: он постоянно устраивал в городе какие-нибудь торжественные зрелища, или пиршества, или шествия, занимал жителей благородными развлечениями, каждый год посылал по шестидесяти триер, на которых плавало много граждан по восьми месяцев и получало жалованье, вме-

вленное могущество Эллады и ее прежнее богатство не ложный слух, — это постройка величественных зданий. Но за это, более чем за всю остальную политическую деятельность Перикла, враги осуждали его и чернили в Народном собрании.

...Перикл представил народу множество грандиозных проектов сооружений и планов работ, требовавших применения разных ремесел и рассчитанных на долгое время, чтобы остающееся в городе население имело право пользоваться общественными суммами нисколько не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, в походах.

«Афина Варвакион» — мраморная древнеримская копия со знаменитой хризозефантиной «Афины Парфенос» работы Фидия (438 год до н. э.). III век н. э.

Основной хризозефантиных статуй было дерево, которое отделялось золотом и слоновой костью. Оригинал до наших дней не сохранился.

Аспазия родилась в городе Милет в Малой Азии. Она считала традиционный греческий брак высшей формой оскорбления женщины и поэтому выбрала судьбу гетеры. Она побывала в наложницах у персидского царя, но потом уехала в Афины, где и встретила Перикла, который влюбился в нее.

Выше. Мраморный бюст Аспазии. Древнеримская копия с греческого оригинала. Влюбившись в Аспазию, пятидесятилетний Перикл развелся со своей первой женой и привел гетеру в свой дом. Это вызвало негодование у большинства афинян, но Перикл был непоколебим. Аспазия оказалась идеальной женой: она освободила Перикла от всех домашних забот и воспитания его детей, чтобы он мог посвящать себя государственным делам. Более того, Перикл очень ценил ум Аспазии и часто советовался с ней, принимая важные решения. Ум Аспазии ценили современники Перикла — философы Анаксагор и Сократ, скульптор Фидий, драматург Софокл и Еврипид, врач Гиппократ.

Выше. «Фидий и фриз Парфенона. Афины». С картины Лоуренса Альма-Тадема. 1868 год.

Ниже. «Анаксагор и Перикл». С картины Августина Луи Белля. Первая половина XIX века. Философа Анаксагора, с которым Перикл был очень дружен, афиняне обвинили в оскорблении богов. Только благодаря красноречию Перикла казнь заменили изгнанием.

го совершенства. Напротив, время, затраченное на труд для исполнения его, возмещается прочностью и надежной сохранностью.

Тем более удивления поэтому заслуживают творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. По красоте своей они с самого начала были старинными, а по блестящей сохранности они донны свежи, как будто недавно окончены: до такой степени они всегда блещут каким-то цветом новизны и сохраняют свой вид не тронутым рукою времени, как будто эти произведения проникнуты дыханием вечной юности, имеют нестареющую душу!

Всем распорядился и за всем наблюдал у Перикла Фидий, хотя при каждом сооружении были великие зодчие и художники.

Фукидид и ораторы его партии подняли крик, что Перикл растрачивает деньги и лишает государство доходов. Тогда Перикл в Собрании предложил народу вопрос, находит ли он, что издержано много. Ответ был, что очень много. «В таком случае, — сказал Перикл, — пусть эти издержки будут не на ваш счет, а на мой, и на зданиях я напишу свое имя». После этих слов Перикла народ, восхищенный ли величием его духа, или не желая уступить ему славу таких построек, закричал, чтобы он все издержки относил на общественный счет и тратил, ничего не жалея. Наконец, он вступил в борьбу с Фукидидом, рискуя сам подвергнуться остракизму. Он добился изгнания Фукидида и разбил противную партию.

Когда таким образом был совершенно устранен раздор и в государстве настало полное единение и согласие, Перикл сосредоточил в себе и сами Афины и все дела, зависевшие от афинян, — взносы союзников, армии, флот, острова, море, великую силу, источником которой служили как эллины, так и вар-

вары, и верховное владычество, огражденное покоренными народами, дружбой с царями и союзом с мелкими властителями.

Но Перикл был уже не тот, — не был, как прежде, послушным орудием народа, легко уступавшим и мирволившим страстям толпы, как будто дуновениям ветра; вместо прежней слабой, иногда несколько уступчивой демагогии, наподобие приятной, нежной музыки, он в своей политике затянул песню на аристократический и монархический лад и проводил эту политику согласно с государственным благом прямолинейно и непреклонно. По большей части он вел за собою народ убеждением и наставлением, так что народ сам хотел того же. Однако бывали случаи, когда народ выражал недовольство; тогда Перикл натягивал вожжи и, направляя его к его же благу, заставлял его повиноваться своей воле, действуя совершенно так же, как врач, который при продолжительной переменчивой болезни по временам дозволяет безвредные удовольствия, по временам же применяет сильные средства и спасительные лекарства.

В народе, имеющем столь сильную власть, возникают, естественно, всевозможные страсти. Перикл один умел искусно управлять ими, воздействуя на народ главным образом надеждой и страхом, как двумя рулями: то он сдерживал его дерзкую самоуверенность, то при упадке духа ободрял и утешал его. Он доказал этим, что красноречие, говоря словами Платона, есть искусство управлять душами и что главная задача его заключается в умении правильно подходить к различным характерам и страстям, будто к каким-то тонам и звукам души, для извлечения которых требуется прикосновение или удар очень умелой руки. Однако причиной этого была не просто сила слова, но, как говорит Фукидид, слава его жизни и доверие к нему: все видели его бескорыстие и неподкупность. Хотя он сделал город из великого величайшим и богатейшим, хотя он могуществом превзошел многих царей и тиранов, из которых иные заключали договоры с ним, обязательные даже для их сыновей, он ни на одну драхму не увеличил своего состояния против того, которое оставил ему отец.

«Аполлон и Марсий». Древнегреческий рельеф. IV век до н. э. Согласно древнегреческой мифологии, флейту изобрела богиня Афина, но выбросила ее, потому что при игре приходилось надувать щеки, а это обезображивало ее лицо. Флейту нашел сатир Марсий, научился на ней играть и вызвал бога Аполлона на соревнование. Аполлон явился с кифарой и стал победителем, а с Марсия велел содрать кожу.

ному богам, когда они сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире.

Как стратег, Перикл славился больше всего своею осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно и исход его был сомнителен; тем военачальникам, которые рискованным путем получали блестящий успех и возбуждали общий восторг как великие полководцы, он не подражал и не ставил их себе в образец; он неизменно говорил согражданам, что, насколько от него зависит, они навсегда останутся бессмертными.

Когда Перикл в своем отчете по должности стратега поставил расход в десять талантов, издержанных «на необходимое», то народ принял эту статью расхода без всяких распросов, не входя в расследование этой тайны. Некоторые авторы, в том числе философ Феофраст, свидетельствуют, что каждый год Перикл посылал в Спарту по десяти талантов, которыми он задабривал правительство и тем отвращал войну. Этим способом он не покупал мир, а только выигрывал время, в которое мог спокойно приготовиться, чтобы потом успешнее вести войну.

Итак, в этом муже достойна удивления не только умеренность и кротость, которую он сохранял в своей обширной деятельности, среди ожесточенной вражды, но и благородный образ мыслей: славнейшей заслугой своей он считал то, что, занимая такой высокий пост, он никогда не давал воли ни зависти, ни гневу и не смотрел ни на кого как на непримиримого врага. Как мне кажется, известное его прозвище, наивно-горделивое, заслужено им и не может возбуждать ни в ком зависти единственно потому, что Олимпийцем прозван человек такой доброй души, жизнь которого, несмотря на его могущество, осталась чистой и незапятнанной. <...> Люди, тяготившиеся при его жизни могуществом его, потому что оно затмевало их, сейчас же, как его не стало, испытав власть других ораторов и вожаков, сознавались, что никогда не было человека, который лучше его умел соединять скромность с чувством достоинства и

Между тем росли здания, грандиозные по величине, неподражаемые по красоте. Все мастера старались друг перед другом отличиться изяществом работы; особенно же удивительна была быстрота исполнения. Сооружения, из которых каждое, как думали, только в течение многих поколений и человеческих жизней с трудом будет доведено до конца, — все они были завершены в цветущий период деятельности одного государственного мужа. Правда, говорят, когда живописец Агафарх однажды хвалился, что он скоро и легко рисует фигуры живых существ, то Зевксид, услышав это, сказал: «А я так долго!» И действительно, легкость и быстрота исполнения не дает произведению ни долговечности, ни художественно-

При Перикле был создан специальный фонд для раздачи малоимущим гражданам денег на посещение театра (так называемый теорикон).

Ниже. Бронзовая фигура комического актера. 350—325 годы до н. э.

Когда спартанцы стали смотреть с неудовольствием на возвышение Афин, Перикл, желая еще более пробудить народную гордость и внушить гражданам стремление к великим делам, внес в Народное собрание предложение о том, чтобы все эллины, где бы они ни жили, в Европе или в Азии, в малых городах и больших, послали на общий съезд в Афины уполномоченных для совещания об эллинских храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые они должны принести за спасение Эллады по обету, дан-

величавость с кротостью. А сила его, которая возбуждала зависть и которую называли единовластием и тиранией, как теперь поняли, была спасительным оплотом государственного строя: на государство обрушились губительные беды и обнаружилась глубокая испорченность нравов, которой он, ослабляя и смиряя ее, не давал возможности проявляться и превратиться в неисцелимый недуг. ■